

УДК 821.111.09

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В МАЛЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖ. МИЛЬТОНА

А.И. МОЗГО

(Полоцкий государственный университет)

a.mozgo@psu.by

Рассмотрена специфика репрезентации женских образов в малых поэтических произведениях классика английской литературы Джона Мильтона. Акцент сделан на стихотворениях (диптих «Веселый» и «Задумчивый»), пьесе-маске «Комус» и сонетах на английском языке, вошедших в сборники 1645 и 1673 годов. В Англии XVII века роль женщины в обществе и искусстве рассматривалась в нескольких аспектах: от пуританской строгости и полного бесправия женщин до фривольного воспевания любви прекрасных дам и возлюбленных. Дж. Милтон, певец высокой любви, изобразил женщину религиозной и духовной, любящей и вдохновляющей, порой не уступающей в добродетели мужчине. Изучаются основные способы создания женских портретов в упомянутых произведениях, прослеживается влияние античной и христианской мифологии.

Ключевые слова: диптих, сонет, пьеса-маска, художественный образ, женский портрет.

Введение. Английская литература XVII века немислима без творческого наследия Джона Мильтона (*John Milton*, 1608–1674). Универсальность творческого метода писателя, его оригинальность и масштаб привлекают литературоведов и критиков, а его произведения не оставляют равнодушным читателя, поражают своей высокой эстетической ценностью. Художественный мир поэта являет собой особую систему представлений о вселенной и человеке, где под пером автора античная мифология и христианство, право и религия переплетаются в замысловатый узор бытия. Начиная с ранней лирики и заканчивая поздними эпическими поэмами, особое место в творчестве Дж. Мильтона отводит женским образам, раскрывая которые поэт далеко выходит за рамки социально-культурной ситуации и сложившейся литературной традиции.

Основная часть. Современное мильтоноведение отличается многообразием подходов к творчеству поэта в целом. Свой отпечаток накладывают и особенности страны исследования, и смена литературных канонов, и отношение к традиционной истории литературы в целом. В зарубежном мильтоноведении не прекращаются споры о репрезентации женских образов в творчестве поэта, даже по окончании «гендерных войн» 1970–1980-х годов. Диана К. Макколлей считает, что «женский вопрос» в творчестве Дж. Мильтона никогда не будет разрешен, называя поэта одним из самых серьезных мыслителей в отношениях полов среди современников [1, р. 47]. Исследователи сталкиваются со множеством препятствий на своем пути, затрагивая данный вопрос. Так, У. Шулленбергер пишет о риске, с которым исследователю приходится справляться, поднимая вопрос о нехарактерном для XVII века видении Дж. Мильтона гендерных ролей и отношений между мужчиной и женщиной в контексте устоявшихся протестантских концепций. Кроме того, исследователь отмечает негативную тенденцию к восприятию поэта как женоненавистника, сложившуюся под влиянием феминистского канона в 1970–1980-е гг. [2]. Однако, по мнению Д. Букера, несмотря на необходимость ухода от феминистского и гендерного дискурса, при исследовании творчества поэта все же необходимо учитывать литературу, написанную женщинами-современниками Дж. Мильтона, и литературу о женщинах для наиболее полного раскрытия авторской концепции отношения полов [3]. В российском и отечественном литературоведении внимание к данному вопросу уделяется в гораздо меньшей степени. Так, в большинстве случаев исследователи (Р.М. Самарин [4], А.А. Аникст [5], А.А. Чамеев [6], И.И. Гарин [7], Т.А. Павлова [8], А.Н. Горбунов [9], Е.С. Шашкова [10]) останавливаются на образе Евы из поздней эпической поэмы «Потерянный рай» («*Paradise Lost*») как самом ярком, образы женщин из малых поэтических произведений лишь упоминаются в кратких экскурсах в творчество писателя. Однако именно малые поэтические произведения на английском языке являются важными составляющими в понимании художественного мира поэта в целом.

Эволюция мильтоновского видения женщины в стихах раскрывается подобно бутону розы: от аллегорического образа Меланхолии в диптихе «Веселый» («*L'Allegro*») и «Задумчивый» («*Il Penseroso*») до страстной и женственной Далилы в трагедии «Самсон-борец» («*Samson Agonistes*»). В данной статье акцент сделан на малые поэтические произведения поэта на английском языке, вошедшие в сборники 1645 и 1673 годов. Начиная с литературы эпохи Ренессанса, женщина традиционно воспринималась в трех аспектах: роль в семье, сексуальность и моральность [11, стр. 118]. Дж. Милтон, в отличие от современников, не публиковал эротические стихи фривольного или циничного содержания. Женщина для Мильтона не только жена, мать и объект плотских желаний, но прежде всего душевный друг, обладающий добродетелями (невинность и искренность).

Одним из ключевых женских образов в малых поэтических произведениях Мильтона является образ Меланхолии. В начале XVII века уже были написаны произведения о меланхолии: в 1616 году – песня Дж. Флетчера «Меланхолия» и в 1621 году – прозаический трактат Р. Бертона «Анатомия меланхолии». Но мильтоновская Меланхолия иная. Впервые поэт обращается к Меланхолии в стихотворении «Веселый»: «*Hence loathed Melancholy / Of Cerberus and blackest midnight born, / In Stygian Cave forlorn / 'Mongst horrid shapes, and shreiks, and sights unholy, / Find out som uncouth cell, / Wher brooding darknes spreads his jealous wings, / And the night-Raven sings; / There under Ebon shades, and low-brow'd Rocks, / As ragged as thy Locks, / In dark Cimmerian desert ever dwell*»¹ [12, p. 20]. Поэт прогоняет прочь ненавистную Меланхолию. Мильтон описывает образ Меланхолии через ее происхождение: она порождение античного подземного мира – Цербера, адского пса, и тьмы. Позже в поэме «Потерянный рай» поэт ярко и образно опишет Ад, также умело обыгрывая образы из греческого царства Аида. Как и падшие ангелы в «Потерянной рае», Меланхолия отправлена в ссылку в скалистую пустынную местность, лишённую света. Мильтон не дает прямой оценки образу Меланхолии, создавая лишь мрачную античную архитектуру места ее заточения. Меланхолия ненавистна, темна и неприемлема. В стихотворении «Веселый» она противопоставляется светлоокой богине радости. С первых строк Мильтон мастерски вплетает противопоставление «свет» – «тьма» в художественный мир диптиха, в дальнейшем развивая световые контрасты в своем творчестве.

В стихотворении «Задумчивый» образ Меланхолии становится божественным, происходит смена ее световой репрезентации: «*But hail thou Goddess, sage and holy, / Hail divinest Melancholy, / Whose Saintly visage is too bright / To hit the Sense of human sight; / And therefore to our weaker view, / Ore laid with black staid Wisdoms hue*»² [12, p. 24]. Здесь Меланхолия – богиня, воплощение мудрости и святости, истинный свет которой настолько ярок для восприятия, что Дж. Мильтон затемняет образ вуалью. В отличие от абстрактного происхождения Меланхолии в стихотворении «Веселый», в стихотворении «Задумчивый» Мильтон обращается к божественной генеалогии, уходящей своими корнями к Золотому веку. Меланхолия берет свои истоки в союзе светловолосой целомудренной Весты и мудрого Сатурна.

Меланхолия, облаченная в темные одежды, приходит к поэту в образе монахини-отшельницы: «*Com pensive Nun, devout and pure, / Sober, stedfast, and demure, / All in a robe of darkest grain, / Flowing with majestick train, / And sable stole of Cipres Lawn, / Over thy decent shoulders drawn*»³ [12, p. 25]. Скромность и чистота, рациональность и уверенность – основные качества мильтоновской Меланхолии. Это ни меланхолия Гамлета, граничащая с безумием, ни меланхолия Р. Бертона, основанная на античной теории «гуморов» и идее о мрачном и мистическом влиянии Сатурна на творческих людей, ни сладкая ночная меланхолия Дж. Флетчера. Добродетельность Меланхолии, ее задумчивость и рассудительность – основные черты, к которым обращается поэт. Дж. Мильтон скрывает женственность Меланхолии, ее истинный свет под темными одеждами, наделяя христианскими добродетелями. Она остается источником мудрости, неподвластным человеческому взору, проводником в мир спокойствия и долгих размышлений. Меланхолия у Мильтона несет в себе позитивные черты – она способна вдохновить поэта. Несмотря на то, что в основном в стихотворении «Задумчивый» Мильтон обращается к античным источникам, в образе Меланхолии уже прослеживаются и христианские черты, присущие музе в поэме «Потерянный рай». В конце стихотворения лирический герой посвящает себя служению Меланхолии.

В пьесе-маске «Комус» («*A Mask Presented at Ludlow Castle*») Дж. Мильтон обращается к образу молодой и добродетельной девушки. Леди, потерявшая братьев в темном лесу, не пугается ночных духов и привидений. Она тверда в своей вере: «*O welcom pure-ey'd Faith, white-handed Hope, / Thou hov'ring Angel girt with golden wings, / And thou unblemish't form of Chastity, / I see ye visibly*»⁴ [12, p. 54]. Она знает, что добродетель является ключом к спасению, что верховный бог ниспошлет благого духа. Дж. Мильтон вновь обращается к описанию женского образа через традиционные христианские добродетели, немного видоизменяя их. В Библии короля Якова в первом послании к Коринфянам перечисляются также три добродетели: «*And now abideth faith, hope, charity, these three; but the greatest of these is charity*»⁵, основной добродетелью является «милосердие, любовь» («*charity*»), то для Леди ею становится «девствен-

¹ «Прочь, Меланхолия! Исчезни, / Дочь Цербера и тьмы! Вернись скорей / На Стикс, в страну теней / И призраков, стенищих в адской бездне, / Или ищи приют / Там, где крылом ревнивым ночь ширяет / И черный ворон грает – / В той Кимерии, где нагие скалы / Над степью одичалой, / Как космы у тебя на лбу, встают» [13, с. 395].

² «Богиня мне мила другая – / Ты, Меланхолия благая, / Чей лик нарочно зачернен, / Затем, что слишком светел он / Для слабого людского взора» [13, с. 309].

³ «Отшельница, ты вся – терпенье, / Раздумье, Самоотреченье! / Надень наряд, чей черен цвет, / И пускай тебе вослед / Струится он волною темной, / Окутай столой плечи скромно, / И низойди ко мне, но так, / Чтоб был величествен твой шаг» [13, с. 309].

⁴ «... Да пребуду / Я под охраной Веры ясноокой, / Надежды с белоснежными перстами / И Непорочности. Я вижу их / С собою рядом, как живых» [13, с. 416].

⁵ «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кориф 13:13).

ность, невинность, чистота» («*chastity*»). Не уходя от ренессансного видения, Мильтон описывает женщину через ее чистоту и невинность, но она у поэта все же носит иной характер – приравнивается к благодати, к любви.

Братья описывают Леди как нимфу Диану, чья красота заключена в ее чистом сердце, которая не испугается сил зла. Комус же любит внешнюю красоту Леди, сравнивая ее с сиренами и лесными нимфами, он наслаждается голосом девушки. Он искушает ее чувственными наслаждениями, порицая воздержание, восхваляя похоть. Но Леди удается устоять в искушении, Комус повержен. Испытание чувственными соблазнами пройдено, невинность, вера и терпение молодой девушки служат примером гордости и образцом для подражания тем, кто юн годами.

Мильтон обращается к образу женщины в сонетах. Удивителен факт, что из двадцати четырех сонетов только четыре посвящены непосредственно им: сонеты «К благочестивой молодой особе» («*Sonnet IX*»), «Блаженной памяти Миссис Кэтрин Томсон, моей сестре во Христе, скончавшейся 16 декабря 1646 года» («*On the Religious Memory of Mrs. Catherine Thompson, my Christian Friend, deceased 16 Decemb. 1646*», *Sonnet XIV*), «К Леди Маргарет Ли» («*To the Lady Margaret Ley*», *Sonnet X*) и «О моей усопшей жене» («*Sonnet XIX*»).

Так в сонете «Добродетельной молодой особе», при создании женского портрета поэт обращается к христианской мифологии (метафора пути, восхождение на холм, образ невинной добродетельной девушки-невесты). Дж. Мильтон не дает описания внешности, не вкладывает никаких слов в уста молодой девушки, она молчалива. Поэт описывает предназначение девушки через ее добродетель: «*Thy care is fixt and zealously attends / To fill thy odorous Lamp with deeds of light, / And Hope that reaps not shame*»⁶ [12, p. 32]. Девушка наполняет светильник светом, исходящим из нее самой – она верит, надеется и совершает благие поступки. Именно с таким светильником, наполненным внутренним светом верующей души, она встречает на пороге дома ночью своего жениха. Здесь Мильтон обращается к притче о девственницах в Евангелии от Матфея 25: 1–13. Добродетельная молодая особа предусмотрительна и мудра, ее духовность и любовь являются тем маслом, которое позволит зажечь светильник в нужное время. Не даром Мильтон сравнивает ее в сонете с Марией и Руфью, воплощением христианской женственности, мудрости и невинности.

Если в сонете «Добродетельной молодой особе» Дж. Мильтон описывает юную леди в начале пути, то сонет «Блаженной памяти Миссис Кэтрин Томсон, моей сестре во Христе, скончавшейся 16 декабря 1646 года» носит элегический характер, поэт описывает добродетель женщины, завершившей свой путь. Поэт раскрывает образ женщины через метафоры Любви и Веры. В своем трактате «О христианской доктрине», Мильтон дал следующие определения данным концептам: "Christian doctrine is comprehended under two divisions: Faith, or the knowledge of God; and Love, or the worship of God" [14, p.11]. Не давая никакого внешнего портрета Кэтрин Томпсон, поэт вновь обращается к религии для раскрытия женского образа: «*When Faith and Love which parted from thee never, / Had ripen'd thy just soul to dwell with God*»⁷ [12, p. 84]. Мильтон уходит от типичного как для литературы эпохи Ренессанса, так и для жанра сонета описания женщин, наделяя их божественной чистотой и высокой духовностью. Душа почившей женщины, верующей и любящей, отправится на Небеса. Мильтон и здесь обращается к цветовым метафорам: «*Love led them on, and Faith who knew them best / Thy hand-maids, clad them o're with purple beams / And azure wings, that up they flew so drest*»⁸ [12, p. 84]. Любовь и Вера окутывают Кэтрин в багряный цвет, королевский цвет, цвет власти и превосходства. Крылья же, которые уносят Кэтрин на Небеса, – лазурного цвета, цвета ясного летнего неба. Яркие цветовые контрасты исчезнут. Попав на Небеса, извечный Судья дарует покой душе, напоив Женщину из реки жизни: «*...the Judge, who thenceforth bid thee rest / And drink thy fill of pure immortal streams*»⁹ [12, p. 84]. Дж. Мильтон мог опираться здесь на откровение Иоанна Богослова 22: 1, 17: «И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца»; «И Дух и невеста говорят: прииди! И слышавший да скажет прииди! Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром». Происходит смена яркой цветовой репрезентации женского образа на истинный и чистый свет реки небесной. Отрекаясь от земного, материального и детального портретного описания женских образов, поэт раскрывает силу душ женщин через христианскую мифологию.

В сонете «К леди Маргарет Ли» Мильтон использует иной способ раскрытия женского образа – через семейное древо. Так, зная о жизни и заслугах сэра Джеймса Ли, лорда-казначей и председателя Тайного совета при дворе Карла I, он отмечает, что его достоинства воплотились и в образе дочери «*So*

⁶ «Так полни свой светильник непорочный / Елеем добродетели своей / И нас не устыжающей надежды» [13, с. 441].

⁷ «Любовь и вера, вечная дорога / Тебя учили с Богом жить» [15, с. 551].

⁸ «Любовь служанку любит. Вера – в свет / Ее одела царственно-багряный, / Чтобы на крыльях вознеслась»

⁹ «...ответ / Пред Судией держа: земные раны / Скорбей затянутся, от скорбных бед / Есть вечности поток серебротканый» [15, с. 551].

*well your words his noble vertues praise, / That all both judge you to relate them true, / And to possess them, Honour'd Margaret*¹⁰ [12, p. 33]. Рассматривая отца как мудрого и бескорыстного политического правителя и хорошего ратора, Дж. Мильтон проводит аналогии с греческой историей при описании политических событий в Парламенте. Маргарет Ли – дочь своего отца, репрезентация женского образа происходит через мужской и через социальную роль в семье. Важно отметить, что Мильтон не делает различий между мужскими и женскими добродетелями.

Одним из самых лиричных и нежных сонетов у Мильтона является сонет «О моей усопшей жене». Здесь Мильтон соединяет греческую (сравнение с Алкестидой) и христианскую (очищение женщины через рождение ребенка) мифологию воедино для создания образа любящей и чистой душой жены. Алкестида, жена Адмета, является символом осознанного самопожертвования во имя любви, Геракл возвращается ее мужу после схватки со Смертью. Лирический герой встречается со своей возлюбленной в своей фантазии, сне: «*Came vested all in white, pure as her mind: / Her face was veil'd, yet to my fancied sight, / Love, sweetness, goodness, in her person shin'd / So clear, as in no face with more delight*»¹¹ [12, p.86]. Как и Меланхолия в стихотворении «Задумчивый», жена лирического героя носит на лице вуаль, однако она не мешает любящему мужу разглядеть внутренний свет и чистоту ее души. Жена остается воплощением любви и добродетели. Она является источником истинного света для поэта: «*But O as to embrace me she inclin'd, / I wak'd, she fled, and day brought back my night*»¹² [12, p.86]. Проснувшись, вернувшись к реальности, лирический герой, как и поэт, осознает, что любовь, дарованная женой, освещает внутренний мир поэта, в то время как реальность без нее приносит тьму. Мильтон страдал от проблем со зрением, однако чистая и искренняя любовь возвращала способность видеть мир изнутри.

Заключение. Дж. Мильтон в малых поэтических произведениях следовал ренессансной традиции изображения женщин через основные категории социальных ролей в семье (дочь, сестра, жена, невеста) и категории христианской моральности (невинность, любовь, чистота). Однако истинный талант поэта заключается в том, что он сумел расширить видение внутреннего мира женщин, наполнив его духовной силой и светом. Основными способами репрезентации женских образов в сборниках 1645 и 1673 годов являются создание женских портретов через семейную генеалогию, умелое соединение греческой и христианской мифологии в описании основных качеств характера, симбиоз греческой и английской истории, а также использование цветоцветовых метафор. В малых поэтических произведениях поэт открывал таинственную завесу в мир женских образов, он не описывал внешность, а укутывал своих героинь плащом, надевал вуаль, что позволило Дж. Мильтону очень тонко воспеть внутреннюю мощь женской веры и любви.

ЛИТЕРАТУРА

1. McColley, D. K. Milton and Sexes / D. K. McColley // The Cambridge Companion to Milton / ed. D. Danielson. – Cambridge University Press, 1997. – P. 147–166.
2. Shullenberger, W. Milton's Lady and Lady Milton: Chastity, Prophecy and Gender in A Mask Presented at Ludlow Castle / W. Shullenberger // Fault Lines and Controversies in the Study of Seventeenth-Century English Literature / ed. C. J. Summers, T.-L. Peabworth. – Columbia, London : University of Missouri Press, 2002. – P. 204–226.
3. Boocker, D. Milton and the Woman Contraversy / D. Boocker // A Search for Meaning: Critical Essay on Early Modern Literature / ed. P. Harms Payne. – New York : Peter Lang Publishing Inc., 2004. – P. 125–143.
4. Самарин, Р. М. Творчество Джона Мильтона / Р. М. Самарин. – М., 1964. – 486 с.
5. Аникст, А. Джон Мильтон / А. Аникст // Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-Борец / Дж. Мильтон. – М. : Художественная литература, 1976. – 574 с.
6. Чамеев, А. А. Мильтон и его поэма «Потерянный рай» / А. А. Чамеев. – Л., 1986. – 128 с.
7. Гарин, И. И. Пророки и поэты / И. И. Гарин. – М. : Терра, 1994. – Т. 6. – 606 с.
8. Павлова, Т. А. Милтон / Т. А. Павлова. – М. : Российская политическая энциклопедия, 1997. – 480 с.
9. Горбунов, А. Н. Джон Мильтон / А. Н. Горбунов // История зарубежной литературы XVII века : учеб. пособие / А. Н. Горбунов [и др.] ; под. ред. Н. Т. Пахсарьян. – М. : Высшая школа, 2005. – С. 207–258.
10. Шашкова, Е. С. Влияние античного наследия на творчество Джона Мильтона (на материале ранней лирики и поэмы «Потерянный рай») : автореф. дис. ... канд. филол. Наук : 10.01.03 / Е.С. Шашкова. – М., 2006. – 22 с.
11. Hebron, M. Key Concepts in Renaissance Literature / M. Hebron. – Palgrave Macmillan, 2008. – 240 p.
12. Milton, J. The Poetical Works / J. Milton. – Oxford, 1900. – 554 p.
13. Мильтон, Дж. Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-Борец / Дж. Мильтон. – М. : Художественная литература, 1976. – 574 с.

¹⁰ «Но я от вас слышал о нем рассказы / И вижу, что достоинства его / Вам, Маргарет, достались по наследству» [15, с. 441].

¹¹ «...Вся в белом, но вуаль / Скрыть не могла – что было добрым знаком – / Любовь, заботу, нежность и печаль, / Их не сыскать в лице любом и всяком» [15, с. 556].

¹² «Но ах! Шагнув ко мне – умчалась в даль, / И днем проснувшись, вновь объят я мраком» [15, с. 556].

14. Milton, J. A Treatise of Christian Doctrine: Compiled from the Holy Scriptures Alone / J. Milton. – Cambridge University Press, 1825. – 711 p.
15. Мильтон, Д. Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения / Д. Мильтон. – М. : Наука, 2006. – 860 с.

Поступила 06.02.2016

THE IMAGE OF A WOMAN IN THE MINOR POEMS BY J. MILTON

A. MOZGO

The article is dealt with the specific way of the woman image representation in the minor poems by outstanding classic English poet John Milton. The attention is paid to the poems (the diptych 'L'Allegro' and 'Il Penseroso'), the masque 'A Mask Presented at Ludlow Castle' and sonnets, written in English and included in Poems 1645 and 1673. The woman role in the society and the arts in the seventeenth-century England is traditionally analyzed from different points of view: starting with the Puritan strict morals to frivolous songs and poems dedicated to mistresses. John Milton, a poet of pure and sacred love, depicts a religious and devotional, caring and inspiring woman, possessing the same virtues as a man. The author has analyzed the main ways of a woman portrayal in the mentioned above poems and has pointed the influence of Greek and Christian mythologies on them.

Keywords: *Diptych, sonnet, masque, imagery, woman portrayal.*